

А.М. ПЛОТНИКОВА

(Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия)

УДК 81'37:34

ББК Ш105.31

РЕЧЕТВОРЧЕСТВО В КРИМИНАЛЬНЫХ ДИАЛОГАХ

Аннотация: В статье охарактеризована ситуация «дача взятки» как речеповеденческое коммуникативное событие, рассматриваются особенности специализированных номинаций семантического поля «деньги» и семантические аномалии, возникающие в структуре криминальных диалогов.

Ключевые слова: криминальный диалог, кодовая функция языка, семантические аномалии

Диалог, в котором для сокрытия незаконного предмета разговора реализована криптоаллическая функция языка, можно назвать криминальным диалогом (условность данного термина объясняется его использованием в общезыковом, а не принятом в юридической терминологии значении). Установление сокрытия криминалистически значимой информации оказывается важным при рассмотрении дел о передаче наркотических средств и противозаконной передаче денежных средств (даче взятки).

Криминальные диалоги относятся к области непрямой коммуникации, в которой в качестве основного ресурса используется определенный известный коммуникантам заранее код, шифр, как, например, в известном диалоге из кинофильма «Подвиг разведчика»: «– У вас продаётся славянский шкаф? – Шкаф продан, могу предложить никелированную кровать с тумбочкой».

Необходимость сокрытия информации требует от говорящего коммуникативных усилий, поскольку от выбора речевых тактик зависит успешность коммуникативного акта в целом. Ввиду того что предметом разговора являются осуждаемые законом и моралью действия, жанрообразующим признаком таких диалогов является намек, сущность которого, по словам А.Н. Баранова, «...заключается в том, чтобы косвенно передать некоторое

содержание, используя модель мира адресата – его знания о ситуации и устройстве действительности, причем это содержание оказывается в имплицитных слоях семантики высказывания и текста. В общем случае намек основывается на упоминании некоторого компонента типизированной ситуации (фрагмента фрейма или части алгоритма сценария), по которому адресат может реконструировать всю ситуацию в целом или те ее компоненты, которые составляют содержание намека. Если адресат не имеет необходимого фонового знания (нужной когнитивной структуры), то намек не будет прочитан, понят» [Баранов 2007: 221-222]. Наличие намеков обуславливает двуплановость содержания криминального диалога, то есть асимметрию формы и содержания.

Речетворческий потенциал говорящего обнаруживается в выборе номинаций для обозначения скрываемого объекта, имеющих преимущественно неузуальный характер. Например, при обсуждении передачи наркотических средств коммуниканты могут использовать не только жаргонные номинации, известные злоупотребляющим наркотическими веществами и зафиксированные в социолектных словарях, но и разнообразные косвенные способы номинации объекта, например: *«Он просто чистый камень, цельный с полногтя»*; *«Овощей насыпешь? А ты это, смотри только, чтоб к тебе по дороге там никто не прилип»* (здесь и далее все иллюстрации взяты из разговорной речи). Косвенные номинации объекта могут представлять собой «разовый» код, при котором узуальным словам и словосочетаниям придаются окказиональные значения для сокрытия информации. Постороннему наблюдателю диалог с использованием этих номинаций не должен казаться странным, поэтому коммуниканты стремятся имитировать непринужденный разговор, происходящий в неофициальной ситуации общения.

Особенностью криминальных диалогов является наличие семантических аномалий, сущность которых можно продемонстрировать на примере следующего диалогического фрагмента:

- *Сколько годиков исполняется малышке-то у нас?*
- *А?*
- *Сколько годиков исполняется ребенку-то?*
- *А ну щас пока вроде семь как.*

– Ага, всё, понял, но.

– Но, и там не знаю, может быть ещё, ну, короче, я приеду к тебе.

В данном диалоге речь идёт не о возрасте ребёнка, так как говорящие не знают точно, сколько лет исполняется «у них малышке», а возраст ребёнка по состоянию на момент разговора может зависеть от каких-либо факторов и может увеличиваться. Кроме того, в ходе диалога при обсуждении возраста происходит нейтрализация семы ‘пол’ (*малышка – ребёнок*), что тоже является показателем аномалии. Применительно к семантическому полю «наркотики» состав номинаций, особенности лексического кода наркоманов, а также схема определения веса номинаций предложена в диссертационном исследовании Е.В. Щенниковой [Щенникова 2013].

В данной статье остановимся на диалогах, предметом которых является незаконная передача денежных или иных материальных средств – криминальных диалогах о «даче взятки».

«Дача взятки» представляет собой совокупность речеведческих коммуникативных актов, поскольку передача денежных или иных средств обычно сопровождается какими-либо словесными действиями, которые могут дополняться мимическими или жестовыми движениями. С лингвистической точки зрения «дача взятки» представляет собой разворачивающееся во времени коммуникативное событие: от предложения взятки, которое обязательно формулируется словесно, до осуществления самого действия. В данной коммуникативной ситуации оба коммуниканта (назовём взяткодателя агенсом, а взяткополучателя – контрагентом) могут использовать стандартные коммуникативные ходы. Так, агенс может словесно дублировать свои действия фразами «*Возьмите деньги*», «*Вот вам деньги*». К таким стандартным словесным формулам в ситуации разговора между водителем и инспектором относятся высказывание, представляющее собой регулярный намек «*Может, на месте разойдемся?*», в котором устойчивое выражение «*разойтись на месте*» (так же, как и его аналог «*решить на месте*») означает ‘передать деньги автоинспектору неофициальным путём, то есть

через взятку¹⁹. В свою очередь, в ситуации передачи взятки контрагентс может реагировать согласием («Хорошо»), отказом («Не нужны мне ваши деньги», «Как вы смеете?!»), выдвиганием условий («Маловато будет»).

Контрагентс может использовать провоцирующие речевые ходы для того, чтобы склонить агенса к выполнению его условий (к стандартным провокациям относятся фраза «Спасибо в карман не положишь», «Спасибо на хлеб не намажешь», «Вопрос решить трудно, но можно», «Нужны более веские аргументы»). Он способен использовать различные речевые провокации, в том числе уговоры, упрасивания, угрозы, например: «Если ты не согласна, то я просто машину арестовываю, вот и все. В части уголовного дела ты должна меня слушать, только меня, и все, потому что я как бы в этом деле царь и бог». В приведенном примере контрагентс использует коммуникативный ход «демонстрация собственной значимости». Позиции участников криминальных диалогов всегда являются несимметричными, при этом интересы обоих собеседников требуют вести диалог в рамках кооперативного общения. Оба коммуниканта могут намеренно затягивать разговор, использовать различного рода тематические переключения, позволяющие им обдумывать поступающие предложения. Такие коммуникативные ходы могут быть направлены на создание у собеседника иллюзии нестандартности ситуации «дачи/получения взятки» (например: «Ну я не знаю сумму, которую конкретно. Вообще это случай такой уникальный, то есть сумма может быть любой. Ну как бы в разумных пределах»). Коммуникативное поведение одного из участников может носить «игровой» характер ввиду того, что он может знать о ведущейся аудио- или видеозаписи разговора и поэтому предпринимать попытки для придания разговору есте-

---

¹⁹ На устойчивый характер выражения «разойтись на месте» указывают многочисленные контексты: «Мужик предложил разойтись на месте, и ДПС кивнул головой. Тот положил 500 рублей между сидений, забрал документы и вышел из машины»; «При этом работники ГСПТС предлагали владельцам разойтись на месте, что по русской традиции называется взяткой»; «Когда приехали ДПСники, естественно, они всё популярно объяснили этим горе-водителям, после чего они стали уговаривать меня разойтись на месте без оформления ДТП».

ственного и непринужденного характера. Искусственность подобного речевого поведения может осознаваться коммуникативным партнером и, в свою очередь, оказывать воздействие на его речевые действия.

Для криминальных диалогов о взятке характерны приёмы умолчания, эллиптические конструкции с пропуском глаголов передачи объекта, местоименные замены, наличие числительных с нулевой валентностью:

– *Ну, Вы скажите, чтобы я была готова или как? Кому и чего?*

– *Ну, я не знаю, Вы за выходные соберете я ... и скажу.*

– *Ну, говорите, Вы сделаете, ну и Вам нормально это.*

– *Да, мне-то вообще.*

– *Ну, все равно.*

– *Ну, не знаю... двести как бы.*

В диалогах используются эвфемистические номинации денежных средств, такие как вознаграждение, благодарность («*За вашу помощь какое вознаграждение я должен буду?*»).

Для сокрытия предмета разговора коммуникантам необходимо проявить изобретательность в выборе номинаций денежных средств. Если в диалогах о наркотических средствах коммуниканты используют субстандартную лексику, то в диалогах о взятках жаргонные обозначения денежных средств употребляются не столь часто, что обусловлено принадлежностью лексем *бабки, бабло, капуста, лавэ, лимон* и др. к общежаргонным и, следовательно, их непригодностью для выполнения кодовой (криптолалической) функции.

Разговорный креатив в криминальных диалогах ограничивается ресурсами семантического кода языковой игры. Согласно концепции Т.А. Гридиной, семантический код языковой игры «эксплуатирует, намеренно моделирует эффект смысловой неоднозначности, семантической многомерности знака» [Гридина 2012].

Наиболее типовыми приемами выбора номинации являются метонимические замены, при которых говорящий называет деньги «*бумагами*» (в отличие от общеязыковой метонимии здесь меняется направление переноса «изделия из материала – сам материал»). Достаточно широко представлен диапазон ме-

тафорических номинаций. Деньги могут уподобляться жидкости и называться «литрами», «бензином». Основанием для такого переноса является способность слов, называющих единицы измерения, употребляться с количественными числительными. Следует отметить, что наименования единиц измерения веса или объема могут служить в качестве номинаций денежных средств и становиться производящей основой для образования слов со значением денежных единиц, например:

– *Так и примерно цена, цена вопроса, это, что мы говорили в этих тоннах?*

– *Ну вот двухсоттонник осталось сейчас фактически отдать и все.*

Усложнение при выборе метафорических кодовых единиц приводит к появлению многочисленных семантических аномалий, например: «...товарищи-то наши, которые нас курируют, хотели... взяли два килограмма лекарств... не сработали». Сочетаемость «два килограмма» является семантически аномальной (лекарство – это гипероним для обозначения большого количества видов, который вряд ли употребляются в стандартной речевой практике в сочетаниях со словом «килограмм»).

В приведенных ниже примерах при выборе номинаций происходит использование слов одного семантического поля: «Там должны были от меня передать эту... книжку сегодня»; «Может человек подойти, сказать «книги», «по поводу книг», ну, чтобы понятно «насчет книг»; «Может быть, вариант есть лучше в декабре. Но мы не поняли название книги из трех слов»; «Там где-то три страницы, да, говорите?». На основании сюжетно-ситуативных и семантических признаков «книгами» и «страницами» в диалоге называется совокупность однородных предметов небольшого размера из бумаги. Обращает на себя внимание неразличение форм числа (книга – книги) в диалоге. Кроме того, словосочетание «книга из трех букв» указывает на название (три буквы в названии книги), а словосочетание «четвертая книжка» на порядковый номер в якобы существующем списке.

Одним из признаков аномальной номинации является использование обычного (узуального) слова в неподходящем, «чужом» для него контексте. Например, в диалоге используется

совокупность разнородных, семантически не связанных и ситуативно не обусловленных номинаций объекта: «*Да тут, как говорится, мне тут заказ есть, один корабль... надо будет рисунок мне, как бы отправили*», «*Ну и заодно, запчасти, всё на месте*», «*...рыбаки запчасти отдали*». Постоянное перекодирование может приводить к коммуникативным неудачам – непониманию значения слова коммуникативным партнером.

Преследуя функцию сокрытия коммуникативно значимой информации, говорящий сознательно отталкивается от словарного значения слова и наделяет его новым содержанием, а слушатель осуществляет избирательное декодирование поступающей информации. Коллоквиальная креативность криминального диалога обеспечивается выбором номинаций скрываемого объекта и коммуникативных ходов, обеспечивающих достижение желаемого перлокутивного эффекта.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. – М., 2007.

Гридина Т.А. Ассоциативная проекция игрового слова в художественном тексте // Лингвистика креатива-2: Коллективная моногр. / под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. 2-е изд. – Екатеринбург, 2012.

Щенникова Е.В. Номинации, относящиеся к семантическому полю «наркотики», и их текстовый анализ. Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. – М., 2013.

© Плотникова А.М., 2014